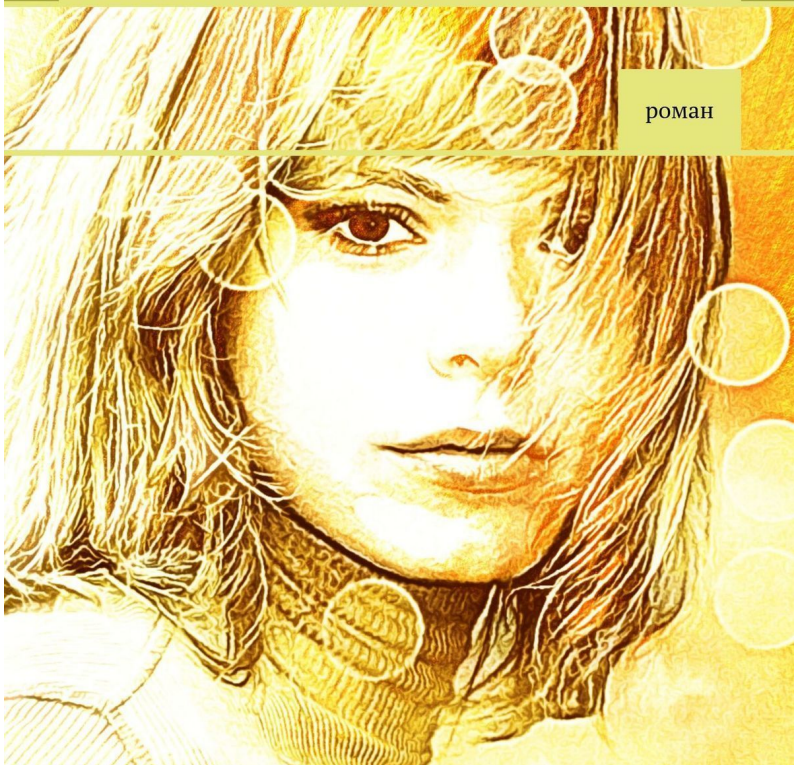


Анте Наудис

# ПРОВОДНИК

роман



# Анте Наудис

## Проводник

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=39428219](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39428219)*

*ISBN 978-5-4493-7324-3*

### Аннотация

В книгу вошли две истории, рассказанные самой героиней. Первая описывает детство и юность в небольшом городке, где талант к рисованию раскрывает мистические способности у главной героини. Вторая книга о взаимоотношениях двух молодых женщин. Встреча с Мастером, который набирает группу для обучения целительству и магическим практикам, меняет направление их жизни. Эта книга для тех, кто хочет прикоснуться к эзотерическим тайнам, ответить на важные духовные вопросы и найти своё место в жизни.

# Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	5
Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

# Проводник Роман

**Анте Наудис**

*Дизайнер обложки Анте Наудис*

© Анте Наудис, 2018

© Анте Наудис, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-7324-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# КНИГА ПЕРВАЯ



Посвящается Д., сделавшей мою жизнь счастливой

# Глава 1

В Латвии есть город Даугавпилс, расположенный на берегу реки Даугавы. Он является промышленным центром и транспортным узлом. Отсюда тянутся железнодорожные линии в Ригу и Москву. В окрестностях города много прекрасных озёр и речек, окруженных соснами и лиственными деревьями.

Центральной улицей Даугавпилса считается улица Ригас, вдоль которой находятся памятники архитектуры. Когда-то, это была первая пешеходная улица Латвии, недалеко от которой был построен Дом Единства, в котором сегодня размещается Национальная библиотека. Там я оставила рукопись, записанную мною в 90-х годах, в то время, когда жила в Даугавпилсе.

Я жила в небольшом двухэтажном доме, стоявшем в ряду из четырех таких же домов, у которых были красные крыши. Сразу за входной дверью начиналась узкая лестница, ведущая на второй этаж, где находилось еще две квартиры. В комнате родителей стояла широкая кровать и трюмо, а на тумбочке телевизор. Дальше была детская с потрескавшейся краской на стенках, в которой жила я. Из мебели в моей комнате стояла кровать, застеленная зеленым гобеленовым покрывалом и стол-книга, за которым я делала уроки.

Когда небо затягивалось тучами, и шел дождь, гулять

на улице было невозможно, и я бежала в подъезд, брала коврик из-под двери и усаживалась на ступеньки. Мое худое тело била мелкая дрожь, когда я слышала, как в очередной раз ругаются родители.

– Ты потратила последние деньги!

– Это не твое дело!

Так продолжалось до тех пор, пока весь поток ругательств не иссякал, и они утихали и тяжело дыша, сидели молча. Пока отец снова не начинал:

– Где мои деньги?!

– Потратила!

Он любил выпить, а мать тратила все на одежду, у каждого был свой порок, и в нашей квартире ссоры продолжались бесконечно.

Когда входная дверь в квартиру с грохотом раскрывалась, я пряталась под лестницу, чтобы кто-нибудь из них не заметил меня. Каждый раз у меня пересыхало в горле, когда мимо пролетал взбешенный отец, а из открытой двери слышался отчаянный крик матери.

В такие минуты мне всегда хотелось куда-нибудь улететь или уехать далеко-далеко, чтобы никто меня не нашел. Я заходила в квартиру, закрыв за собой дверь. Мать одаривала меня таким взглядом, что меня буквально отбрасывало назад.

– Анте, иди гуляй на улицу! Что тебе сейчас нужно! – Сокрушалась она.

Мне не хватало слов, чтобы объяснить ей, что я напугана и не знаю, что делать, когда они так ссорятся, а потому я молча стояла у двери, переминаясь с ноги на ногу.

— Анте, иди порисуй лучше, — она вставала, брала карандаши, фломастеры и альбом, клала это все на журнальный столик и звала меня присесть. — Ты же понимаешь, ты здесь не причем, это взрослые дела!

Так она выражала свою нежность, на которую было способно ее разбитое отцом сердце. Она странным образом утешала меня, но интуитивно я чувствовала, что это я виновата в том, что они постоянно ссорятся.

Жили мы очень скромно, и денег не хватало даже на еду. Наши родственники часто помогали нам, так как были очень добрые люди, иногда давали в долг, если становилось совсем худо, иногда подкармливали меня и покупали всякие подарки. В магазине я чувствовала себя ужасно, когда мать не могла купить мне даже конфеты, отчего в скором времени у меня выработалось чувства неприязни к сладкому. Мысленно я запрещала себе его хотеть и отвыкла от всех сладостей в конечном счете.

Отец по несколько дней пропадал в баре, а потом, когда возвращался, был злой и раздражительный. Он закрывался в комнате и часами смотрел телевизор. Глядя на пустующее место возле холодильника на кухне, где он любил сидеть, я думала о том, что мое рождение еще больше рассорило этих двух странных людей.



Я подошла к матери и положила свой рисунок на столешницу, где стояла кастрюля с мытым картофелем.

– Ты хорошо рисуешь, у тебя определенно есть талант, – отвечала она, обмывая большую картофелину под струей воды. – Кто эта девушка на рисунке?

Я пожала плечами.

– Надо поговорить с тётей Марией, чтобы она узнала для тебя адрес ИЗО-школы, очень неплохо для 15 лет, почти как реальная девушка. Ты ее где-нибудь видела?

Я мотнула головой, давая понять, что не знаю.

– Обязательно попрошу сестру купить тебе краски и альбом, очень впечатляет, – сказала мама и улыбнулась.

В конце 80-х, начало 90-х в Даугавпилсе стали строиться новые предприятия для рабочих. Они занимались упаковкой и реализацией различных товаров, начиная от духов «Dzintars» и заканчивая оборудованием. И каждый раз, стоило появиться новому предприятию, у родителей портилось настроение. Они не любили работать, их пугало то, что появлялись новые люди, желающие трудиться на свое государство. Родители презрительно смеялись над рабочими и без устали ругали новые автомобили, которые обливали их грязной водой из лужи, когда они проезжали мимо на старых велосипедах. Отец стал пить еще больше, а мать гулять по незамужним подругам, тратя деньги на заграничное тряпье, которое им привозили их любовники.

Я сидела за лакированным столом-книгой и делала уроки,

стараясь казаться занятой. Был вечер, когда отец вошел пьяный в квартиру...

– Эти *чмырлы*, кем они себя возомнили?! Думают, что будут жить лучше остальных? Они даже не представляют, что такое нормально работать!

Я чувствовала, что мама начинает выходить из себя.

– Заткнись, ты бы так работал!

Он начинал яростно кричать грубые слова на нее, но я не понимала, что они значат, но чувствовала вложенную в них злобу на убогую жизнь.

– Они хотят строить новый район и давать жилье тем, кто устроится на завод! А мы для них и не люди! Ездят здесь по окрестностям на своих машинах! Еще и кредитов понабрали!

Отец долго орал, а мать ругалась, заглушая все его речи. Затем он винил маму, что она ничего не дала ему в жизни и только привязала тем, что родилась я. Заявляя, что ему приходится вкалывать, чтобы содержать нас на случайных заработках, откуда его постоянно увольняют. И что он тоже хочет машину, а не этот ржавый велосипед.

Я изо всех сил затыкала уши, стараясь ничего не слышать.

– И ты не умеешь готовить еще! – Выкрикнул отец, проглотив кусок картошки.

Мне на мгновение показалось, что сейчас его стошнит, но этого не случилось.

– С тобой в белоруса превратишься, только картошку

в мундирах и умеешь готовить! – Его лицо стало наливаясь кровью, он искал еще тысячи причин обвинить маму в своей неустроенной жизни. Меня в это время било мелкой дрожью, мне хотелось пойти в свою комнату, но я боялась привлечь их внимание.

Когда отец доел картошку, он ушел в комнату смотреть телевизор, и только тогда я потихонечку встала и, пройдя мимо мамы, направилась в комнату. Она странно посмотрела на меня. Оказавшись в одиночестве, я принялась молиться.

*Святая Мария, Матерь Божья, сохрани во мне сердце детское, ясное и светлое, как родник. Сотвори мне сердце честное, которое не поддается обману. Великодушное сердце, которое дарует себя другим, любящее и сочувствующее, верное и благородное сердце, которое не забывает благодарений и не держит зла. Дай мне дружественное и решительное сердце, которое любит, не требуя ответной любви, которое радостно растворяется в других сердцах перед лицом Твоего Божественного Сына; великое и неодолимое сердце, которого не ожесточает никакая неблагодарность и не остужает никакое равнодушие, сердце, которое мучимо невосприимчивым величием Иисуса Христа, уязвлено любовью Его, и чьи раны исцеляются лишь на небесах.*

Когда было все хорошо, родители вместе занимались домашним хозяйством, выбивали ковры, мыли полы, вытирали пыль с мебели. Мне очень хотелось быть полезной, и я ста-

ралась им помогать, но в такие минуты они недовольно ворчали, им хотелось быть только вдвоем. Я тихонько садилась за свой стол и наблюдала за ними. Грубые руки отца тряслись от недостатка выпивки, но он улыбался, будто все хорошо.

– Я уберу и твою комнату, Анте, – говорил он мне, закончив мыть пол в зале.

– Но для начала ты должна научиться застилать постель, перед тем как садиться завтракать.

Я неуверенно улыбалась. Он улыбался в ответ.

В тот вечер я вошла в свою чистую комнату с гордостью, а когда проснулась утром, то радовалась солнцу за окном. Больше всего на свете я хотела, чтобы такие дни были всегда, чтобы родители оставались в хорошем настроении и никогда не ссорились. Мама продолжала улыбаться, а отец занимался хозяйством по дому. Однако, такая вот идиллия длилась недолго.

Всё это накладывало отпечаток на мое поведение. Постепенно я замыкалась в себе всё больше, погружаясь в свой спокойный мир, который мне совсем не хотелось покидать. В этом мире я не чувствовала себя ненужной и одинокой. Там со мной постоянно кто-нибудь общался, интересовался моими делами, подсказывал, как нужно поступить. И этот мир все чаще я изображала в своих рисунках.

Автобус, который отвозит детей в школу стоит очень дорого, а потому мама отправляла меня на занятия на велосипеде. Утром я умылась, почистила зубы и, надев школь-

ное платье, черные передник и туфли на низком квадратном каблуке, причесалась, скромно улыбнувшись себе в зеркало. Прикрепив на багажник портфель, я уселась на велосипед и поехала в школу, которая находилась в 3-х километрах от дома.

Ржавый велосипед подпрыгивал на каждой кочке лесополосы, через которую я ездила каждый день. Меня встретила классная руководительница с папкой в руке.

– Анте, ставь велосипед у крыльца и иди, поздоровайся с Аней, это новая ученица.

На меня вдруг накатила такая стеснительность, что я впадала в ступор. Вместо того, чтобы послушаться учительницу, которую звали Инна Валерьевна, я застыла на крыльце, теребя замок для велосипеда. У Ани волосы были завязаны в длинный хвост черной бархатной ленточкой, платье украшал белый передник, а на ногах были лакированные туфли. Рядом стояли мальчишки, постриженные, в синих рубашках и пиджаках, они пялились на новенькую.

Я потрогала свои волосы, которые мама стригла, чтобы не трудиться заплетать мне их утром перед школой. Моя прическа почти не отличалась от мальчишеской, только пряди волос были отпущены длиннее и вились на концах.

Прозвенел звонок, и мы направились в школу на урок математики. В просторном классе сели за небольшие парты, Инна Валерьевна хотела рассадить нас как положено, а потому каждый день делала новую рассадку. Она проверила

по журналу все ли на месте, поставила галочку чернильной ручкой напротив каждой фамилии. Затем стала раздавать учебники, по которым предстояло обучаться круглый год. Дома у меня было совсем мало книг, и то в старых обложках. Родители не любили читать, книг почти не бывало, а потому учебники для меня были интересными, я с любопытством рассматривала красочные обложки.

– Нравится, Анте? – Инна Валерьевна подошла ко мне.

Я кивнула.

– Я хочу, чтобы новая ученица Аня села с тобой.

Я ощутила радость, ведь за третьей партой я пока сидела одна. Может быть, учительница почувствовала, что я очень одинока? Я уже перестала надеяться, что кто-то сможет подружиться со мной, невысокого роста худой застенчивой девочкой, которая надеется обрести друга, но уже не верит, что это возможно, а потому, погружаясь в собственные грезы и фантазии, почти не разговаривает.

Мои одноклассники часто ходили в кафе с родителями, где ели мороженное, пили газировку, им покупали красивые новые вещи. Бабушки вывозили их в Юрмалу к морю. А я не могла об этом мечтать, а потому все время молчала и стеснялась, ведь мне не о чем было рассказать.

После уроков я, как обычно, приехала домой. Переодевшись, я подошла к комоду и достала из *шублядки* несколько семейных фотографий. Как же мало у меня детских фотографий! Раскладывая черно-белые снимки на столе, я ду-

мала о том, что завтра возьму их в школу и покажу Ане. Вот несколько фотографий моего 1-го класса.

Пробежавшись глазами по лицам, я отложила фотографии. К 8-му классу я вдруг дошла до понимания, что родители не могут найти свое место в жизни, а потому злятся на все и всех. Мне показалось, что проблема, наверное, во мне, что я осложняю им жизнь, связывая друг с другом, делая все больше бездушными эгоистичными людьми, которые не способны на тёплые чувства.

Мама улыбалась мне и даже гладила по голове:

– Анте, ты хорошая девочка, учись хорошо – это важно.

Эта ее похвала и напутствие наполняли меня радостью на весь школьный день.

Хватая портфели, одноклассники бежали домой веселыми, их встречали бабушки. Я брала свой велосипед и ехала домой в одиночестве. Иногда у меня было такое чувство, что я «нелюдимка», и никто меня не замечает. В те школьные годы отчаянно хотелось, чтобы в моей жизни что-то изменилось, но я не могла знать, чего именно я хочу. Я стала рассчитывать на то, что Аня, новенькая девочка станет моей подружкой. А потому, решила начать нашу дружбу с показа моих семейных фотографий. Но однокласснице было совершенно не интересно, она быстро пробежалась глазами по снимкам и перевела взгляд на мальчишек из класса. Я спрятала свои старые фотографии и решила больше не поднимать эту тему. В тот день домой я уехала грустная.

Когда я зашла в квартиру, у нас в гостях была тётя Мария. Она жила в соседнем доме, который ничем не отличался от нашего в ряду таких же четырех. Мама радостно встречала меня.

– Привет, Анте.

– Анте похожа на тебя, – говорила тётя маме, и я понимала, что это комплимент.

Мать была очень красивая женщина, натуральная блондинка с глазами морской волны. Единственный ее недостаток был в том, что она была невысокого роста.

Тётя Мария сказала, что купит мне красивый подарок. Я совсем забыла, что завтра у меня день Рождения.

Через день наступил мой день Рождения, и мама сказала, что я не пойду в школу, потому как учиться или работать в свой день Рождения нехорошо.

На кровати, где спала тётя Мария, лежала коробочка акварели, набор кисточек и альбом.

– Анте, ты должна учиться рисовать, – скомандовала тётя. – И это только часть моего подарка.

Она взяла меня за руку и отвела в ванную, которую наполнила теплой водой, добавив несколько капель эфирного масла лаванды.

– Тебя это раскрепостит.

Когда я вышла из ванны, тётя причесала мои взъерошенные мокрые волосы. Я была в таком восторге от происходящего, что испытывала чувства успокоения и радости.



– Я оплатила 2 месяца твоего обучения в ИЗО-школе и, прямо сейчас, ты наденешь самую лучшую свою одежду, и мы поедем туда.

На моем лице отразилось удивление, смешанное с восторгом. Губы расплылись в улыбке, и в этот момент тётя Мария сфотографировала меня на *поляроид*.

– С днем Рождения, племянница!

Это был самый незабываемый день Рождения в моей жизни. Мне исполнилось 16 лет, и тем же днем я сидела за партой ИЗО-школы и делала первые пробы новыми красками, подаренными ей.

– Она предпочитает писать портреты, – сказала тётя Мария моей новой преподавательнице, когда мы только вошли в класс.

Нас встретила молодая девушка, подрабатывающая в ИЗО-школе в свободное от учебы время. Она была студенткой факультета Изобразительного Искусства и давала уроки живописи для школьников.

– Меня зовут Кристина Заке, – представилась студентка и внимательно посмотрела на меня. – Я учу основам рисунка и графического дизайна, а дальше ученики уже выбирают свое направление, после ИЗО-школы можно поступить в художественную школу, институт по этой теме или просто заниматься живописью как хобби. Есть специальная программа, ее разрабатывает методист Юниум. Юниум – это организация в которой работают молодые художники, в основ-

ном студенты и чуть постарше, замечено, что ребятам больше нравится общаться с поколением не слишком отдаленным от них. Поэтому во всех случаях находится общий язык.

– Это Анте, моя племянница, – отвечала ей тётя Мария. – У нее сегодня день Рождения, поэтому я решила сделать ей подарок в виде уроков в вашей ИЗО-школе.

– Как мило, – улыбнулась молодая преподавательница. – На занятиях мы рассматриваем различные техники и стили, расслабляем свои руки – один из главных инструментов художника, разминаем их, как певец «разминает» свой голосовой инструмент перед концертом, учимся мыслить творчески и, конечно же, оттачиваем мастерство, – она повернулась к светлому классу, где стояли парты и мольберт у окна. – Проходите, присаживайтесь за свободную парту, я сейчас подойду. К нам еще придут новенькие ребята с родителями.

Тётя Мария наклонилась и поцеловала меня в щеку. Я вдохнула нежный запах ее туалетного мыла и духов, улыбаясь от счастья. Занавес пал на целый день, разделив все на два мира.

– Дорогая Анте! Я желаю тебе никогда не терять свои крылья за спиной! Летай! – Торжественно произнесла тетя, довольная своим благородным поступком и поспешила выйти из класса, предоставив меня первому занятию.

В ИЗО-школе мне предстояло заниматься 2 раза в неделю. Понедельник и пятница, после школы. Я с нетерпением

ем ждала уроков искусства, и не доставала из портфеля акварель с кисточками, для которых отец мне обрезал мешок из-под картошки, перевязав его тесьмой, чтобы содержимое не выпадало.

Моя успеваемость в школе стала падать, зато желание рисовать возрастало с каждым разом. Я с нетерпением высисывала уроки, чтобы мчаться в ИЗО-школу, меня волновало больше то, как завершить линии лица девушки-жар-птицы, чем алгебра и геометрия.

Инна Валерьевна, увидев во мне странные перемены, вызвала в школу родителей. На следующий день пришел отец, и, конечно же, имея вспыльчивый характер, поругался с классной, а придя домой, вылил всю злость на маме.

– Эта расфуфыренная дура посмела называть нашу семью отделяющими от общества! Что это значит? Мы теперь должны быть как все эти доморощенные школьные формы?

– Да ты бы не ругался в стенах школы, – поучала его мать. – Дочке еще там учиться, а ты как всегда. Да еще и выпил перед этим, алкоголик. Что за позор на нашу семью?

– Ты бы помолчала, стерва! Сама в школу ни разу не пришла к своей дочке любимой, а меня только туда посылала. А то, что выпил, так это не ваше дело. Пил и пить буду, пока на земле такие дурные бабы водятся!

– Уже май, Анте заканчивает год, а из-за тебя какие оценки она получит? И закончит ли этот год?!

– Да пошла ты! Это все твоя сестра Мария сделала. Зачем

ей эта ИЗО-школа сдалась? Чтобы в очередной раз потешить свое самолюбие?

– Ты не видел, как Анте рисует?

– Видел. Училась лучше бы, кому эти рисунки нужны... еще больше в себя уходит.

– От твоих пьяных выходок уходит, – вздохнула мать.

Я вышла на улицу, чтобы не участвовать в их бесконечном споре, виной которому снова стала я.

Стояла чудесная майская погода, солнце светило на безоблачном небе. Где-то часов в пять, откуда не возьмись, набежали тучи, из которых на землю обрушился ливневый дождь, а ветер стал таким сильным, что тонкие деревья гнулись, как спички. Я находилась в лесопарке и вымокла до нитки.

Забрела я достаточно далеко, и одетая в шорты и тоненькую кофточку, которая сразу же промокла и прилипла к телу, подчёркивая мою худощавую фигуру, начала дрожать от холода. Укрывшись под раскидистыми ветками старого дуба, я с нетерпением ждала, когда закончится ливень.

Прежде я частенько бывала в лесу, раскинувшемся на восточной окраине Даугавпилса. Но, похоже, я никогда не бывала в этой части леса, по крайней мере, она показалась мне совсем незнакомой. Старый массивный дуб, под который я села, и огромная заросшая поляна с пригорками рассыпчатой земли, немного успокоили меня.

Внезапно сзади раздался хруст веток и, от неожиданно-

сти, я подскочила и резко обернулась. На тропинке, которая хорошо просматривалась, никого не было. И тут мне показалось, что слева между двух деревьев, мелькнула какая-то тень. У меня бешено заколотилось сердце и, замерев от ужаса, я вглядывалась в заросли. Через несколько минут снова захрустели ветки, на этот раз справа от меня. Очередная волна страха накрыла меня, а к горлу подступило удушье. Я отчаянно развернулась, и снова мне показалось, что где-то метрах в двадцати от тропинки среди зарослей мелькнула чья-то тень.

Мне показалось, что мелькнул силуэт дамы в черном плаще с капюшоном и с косой в руке, я вскрикнула и в ту же секунду она исчезла. Я вспомнила, как мама рассказывала, что однажды она заблудилась в лесу и встретила Смерть в черном плаще с капюшоном, которая решила ее забрать с собой в ад. Но она отчаянно молилась Деве Марии, и та отступила. Я начала молиться.

*Царица Небесная, Повелительница Ангелов! Ты получила от Бога власть и наказ раздавить голову Сатаны. В смирении прошу Тебя: вышли отряды воинства небесного! Под Твоим предводительством должны они принять бой с духами зла, должны всюду противиться им, подорвать их высокомерие и низвергнуть их в бездну. Ибо кто сравнится с Богом?*

«Посылаем отряды воинов в золотых доспехах, которые сразятся с духами зла, чтобы спасти тебя», – слыша-

лись странные звуки в моей голове.

Я отшатнулась. Наверное, у меня разыгралось воображение, и собственную фантазию я приняла за голос.

К счастью дождь вскоре прекратился. Поскольку рядом с дубом была только одна тропинка, я решила идти по ней в сторону, противоположную той, откуда пришла. Мне было немного жутко, в голову лезли разные неприятные мысли.

Вдруг, я увидела впереди полицейский «уазик». Он выехал на дорогу и остановился возле меня. Из него выскочила мама и схватила меня за руку:

– Анте! Ты ушла еще утром в субботу, а сейчас уже вечер и целый день льет ужасно холодный дождь! Немедленно в машину и домой! Отец с тобой разберется.

Она состроила милую гримасу полицейскому:

– Ей совсем недавно исполнилось 16, просто она *аутистка*. Ничего не соображает, учится в спецклассе, они ей задурили голову.

– К психотерапевту ей надо.

– Да уж, ходим мы.

Дома отец встретил меня с суровым выражением лица. Он скомандовал немедленно отправляться в ванную, чтобы снять с себя мокрую одежду и вымыться как следует. Я заметила, что рядом на кресле лежит ремень. Я понимала, что расправы мне не миновать, а потому решила долго мыться в ванной, чтобы его гнев за это время прошел. Так оно и случилось. Может еще потому, что мама в тот день сильно пла-

кала.

Наутро, в воскресенье, мне не надо было в школу, и я принялась рисовать. Я решила запечатлеть Черную Даму, которую видела в лесу. Я все еще не могла понять голос, который слышала насчет войск, а потому решила, что Дева Мария ответила на мою молитву. Рядом с Черной Дамой я изобразила Белую Даму. В понедельник я собиралась показать свой рисунок преподавательнице ИЗО-школы.

## Глава 2

Я пришла в ИЗО-школу и, сев за свою парту у окна, положила перед собой рисунок «Черная Дама и Белая Дама». Я хотела привлечь внимание преподавательницы, зная, что не многие рисуют сейчас в карандаше, предпочитая ему акварель. Техником карандаша я овладела самостоятельно и, возможно, это было желанием учиться дальше.

Преподавательница, увидев мою работу, остановилась возле моей парты.

– Я знаю, почему эти две дамы так похожи друг на друга, – сказала она.

Я подняла глаза с вопросом.

– Потому что черное и белое в нашем мире – это разные стороны одного целого, – произнесла она задумчиво, взяв мой рисунок со стола. – Я вижу, что Господь наделил тебя талантом, Анте, но также вижу, что ты не видишь истинного смысла своих работ. Я понимаю, что ты пришла сюда вовсе не за техникой рисунка, потому как этим ты владеешь достаточно хорошо, но пришла ты за знаниями о высшем смысле Творчества.

Тогда я еще не понимала, что она имела в виду, а потому кивала головой на все ее вопросы утвердительно.

– Творчество – это Божественная энергия Творца, который транслирует его через наше сердце, – говорила Кристи-



на Заке. – Моя задача раскрыть ваши сердца для Энергии Творца. Сейчас мы с тобой, Анте, выйдем в сад, оставив других учеников рисовать эскизы. Нам есть о чем поговорить.

Мне показалось, что благодаря этому рисунку я стала ее любимицей, а потому в душе была очень довольна собой.

Мы вышли в большой сад, что находился во дворе ИЗО-школы. Здесь стояли горшки с геранью, служившие натюр-мортами и белые статуи, привезенные из какого-то музея тоже для рисунков. Возле стены я заметила новенький велосипед с дамским седлом.

– Это мой велосипед, а ты свой где ставишь? – спросила преподавательница.

Я махнула рукой в сторону расписных ворот. А затем, повернув голову и уловив момент, пока она искала глазами мой велосипед, погрузилась в рассматривание. Мне показалась несколько странным ее прическа, волосы были собраны в пучок и обернуты вокруг. На ногах были легкие белые туфли – где она умудрилась такие купить? Длинная синяя юбка с широким поясом и голубая кофточка, вокруг шеи был обернут в мелкие синие цветочки палантин. Она выглядела как художница и была достаточно привлекательна.

Заметив, что я ее рассматриваю, она улыбнулась.

– Взгляд настоящего художника. Зови меня Кики, и давай будем друзьями.

Затем потрясла прозрачным пакетом, в котором лежала какая-то коробка. Только сейчас я заметила, что в одной ру-

ке она держала тряпичную сумку с длинным поясом, должно быть она носила ее через плечо.

Повернувшись ко мне, Кики извлекла коробку из пакета, о которой я сначала подумала, что это краски или гуашь, но это оказались глазированные пирожные.

– Вот что у меня есть для нас.

Я протянула руку, и она дала мне одно пирожное. Себе взяла тоже одно, закрыв коробку. Мы присели на скамейку, она достала мой рисунок. Я ела пирожное и разглядывала ее руки, изящно державшие мое творение.

– У тебя талант, Анте.

– Спасибо, – вымолвила я.

На меня с интересом смотрели васильковые глаза, щурясь от солнца.

– Видишь эту герань, которая стоит на солнце, она стоит здесь, чтобы украсить этот унылый двор, – произнесла Кики задумчиво, повернув голову. – Знаешь, даже удивительно, что у таких родителей, такая интересная дочка, – снова окинув меня быстрым взглядом, будто я была чудом. – Не теряйся, Анте, – затем опустила глаза на рисунок. – Твой рисунок символизирует двойственную природу этого материального мира. Ведь весь наш мир состоит из противоположностей. Например, жарко – холодно, светло – темно, добро – зло, правильно – неправильно, белое – черное.

Я внимательно слушала, доедая пирожное.

– Всё, что появляется в нашей жизни, берет свое нача-

ло в уме. Ум – это начало всего здесь. Поэтому, на чем ты концентрируешь свое внимание, то и притягивается в жизнь. Но можно контролировать ум и свою жизнь в материальном мире. Однако, знаешь ли ты, что белое и черное – это относительные понятия, существующие лишь в уме человека?

Я покачала головой.

– Так вот, уму свойственна эта двойственность, как и всему нашему миру. Двойственности ума – это крайности, делающие человека беспокойным, не счастливым, он всегда напряжен, вынужден отстаивать ту или иную крайность, полярность. Ум движется из крайности в крайность, такова его природа, он не может остаться посередине. Я хочу, чтобы ты попробовала сосредоточиться на состоянии нейтральности, то есть посередине двойственности, а не в каком-то ее полюсе белого и черного. Это нулевая точка, точка разума, это бытие вне ума. Разум выше ума.

Я открыла рот и хотела что-то сказать, но не смогла.

– Не удивляйся, Анте, что я учу не только рисованию, ведь ты как раз в этих уроках и нуждаешься. Мне кажется, что ты тот человек, который сможет это все понять, а потому я захотела, чтобы мы стали друзьями и между нами не было ни возрастных, ни каких либо других отличий. Ты согласна?

Я кивнула.

– Я очень рада, Анте, – улыбнулась она. – Начало истинной жизни начинается, когда человек выходит за пределы дуального ума, выходит из двойственности, перестает су-

дить «хорошо» или «плохо», опираясь на свойства ума принимать или отвергать в зависимости от того, нравится или не нравится. Конечно, уму продолжает что-то нравиться или не нравиться, но так как человек перестал себя отождествлять с умом, он вышел из-под его влияния и перестал судить о вещах на основе симпатий или антипатий двойственного ума. Сейчас, когда мы вернемся в класс, постарайся нарисовать свое понимание того, что я сказала. Хочу предупредить тебя об распространенных художественных ошибках, многие пытаются соединить «белое» с «черным», думая, что от этого исчезнет *дуальность*, но так не бывает. Медаль есть одно целое и она имеет две стороны. Твоя задача нарисовать платформу выше дуальности, а не соединить две половины в одно целое.

Мы встали, чтобы идти в класс.

– Пирожные возьми себе, я для тебя покупала, – сказала она, протягивая мне пакет, а потом возле двери добавила. – Выход за пределы ума позволяет человеку сосредоточить внимание на самом важном занятии – самопознании своей вечной духовной природы.

Родители так часто меня стыдили и показывали, что я не умею делать что-нибудь стоящее, что меня постоянно посещал некий внутренний стыд, что я нарисую что-то не то. А потом мне выскажут, как тебе не стыдно такое изображать? Но сегодня, после разговора с Кики, хотелось отбросить этот дурацкий, запрограммированный во мне с детства

стыд и открыться бумаге. Я захотела обойти все негативное и все позитивное, хотела просто показать, ЧТО у меня находилось в душе.

Теперь, когда появилось какое-то доверие к Кики, я знала, что она всегда будет на моей стороне, так как заинтересована в развитии моего художественного таланта.

Я дала волю своим фантазиям, глядя на Черную и Белую Даму, как пример. Смочив поверхность листа водой, стоящей в пол-литровой банке, я отпустила мысль из сознания на бумагу. Техника рисования на мокром листе имела свои особенности, теперь лист нельзя было сдвигать, чтобы краска не имела подтеков к низу. Первый мазок я решила нанести черной акварелью, а затем подумала, что белый может и не понадобиться, потому как сама основа листа уже белая.

И тут меня осенила странная философская мысль. «Белое» – это данность, а «черное» мы формируем на белом сами. Все, чтобы мы не изобразили черным, будет в противоположность белому, его подавлять или открывать. Вот она художественная дуальность! Теперь роль белой краски выполняла бумага, а роль черной моя фантазия. Текучесть, прозрачность и слияние мазков придавали очарование моей неугомонной фантазии, которая ложилась плавными переходами от мазка к мазку.

Когда я оторвалась от работы и огляделась вокруг, то за партами уже никого не было. Видимо я погрузилась глубоко, не заметив как все разошлись. Кики сидела на стуле

возле окна и наблюдала за мной.

– Готово? – спросила она и встала.

Я уверенно кивнула.

Она подошла и взглянула на изображение. Первое, что было ею произнесено:

– Неожиданно.

Дальше было пятиминутное молчание, пока она изучала работу.

– Вижу, ты использовала только черную акварель, а все оттенки, исходящие из черного тебе заменяла вода. Рисунок на мокрой бумаге, где белая краска сам лист, сложная техника. Чтож, ты неплохо справилась с задачей, но сама композиция... Анте, что это такое? Ты понимаешь, что я не смогу показать это твоим родителям?

Я кивнула. Вот он этот стыд, который все же не миновал меня, даже здесь.

На рисунке была изображена обнаженная девушка, которая заворачивалась в огромные крылья, скрывающие ее наготу. Это был падший Ангел, вынужденный прикрыть свой стыд огромными крыльями за спиной. Эти крылья олицетворяли духовную силу в материальном несовершенстве. Я умышленно не прорисовывала лицо, оно оставалось белым пятном, чтобы показать образ обезличенности в нашем мире навязанных образов и идей. Почему-то я была уверена, что изначальная природа человека не телесная, и он не может выглядеть голым и неказистым. У всех людей есть кры-

ля, просто они не видимые.

– Верная мысль, Анте, – сказала Кики, будто читала мои мысли. – Главное смысл.

Я ответила ей понимающей улыбкой.

## Глава 3

Наступило лето, я кое-как справилась с последней четвертью, закончив год на тройки. Мои оценки меня не волновали, меня больше беспокоило то, что прошло два месяца, и нужно вносить новую сумму за обучение в ИЗО-школе.

Тётя Мария сильно рассорилась с моим отцом и держала обиду на маму, что та не заступилась за нее. Поэтому рассчитывать на финансирование с ее стороны не стоило. Как никогда мне хотелось заниматься живописью именно летом, теперь когда я вышла на каникулы, во-первых много свободного времени, а во-вторых природа расцветала и дарила потрясающие краски, рисовать можно было где угодно, округа призывала живописными местами.

Когда подошел срок, и нужно было вносить очередную сумму за обучение в ИЗО-школе, я поняла, что никому нет до меня дела и просто перестала туда ходить. Однако настроение мое не ухудшилось, так как у меня были альбом и краски, и я могла теперь рисовать на природе самостоятельно.

Летом я всегда была свободна и предоставлена сама себе. В один из солнечных дней я, взяв с собой художественные предметы, решила отправиться по проселочной дороге в лесопарк, где росли красивые лиственные деревья. Там было много птиц, которые пели разными трелями, завораживая слух. Лето никогда не нарушало мои планы, я собира-



ла землянику в литровую банку, которую привязывала поясом от халата, чтобы не держать в руках. Потом долго лежала в душистой траве, наблюдая за порхающими бабочками и всякими другими насекомыми в воздухе. Вдыхая аромат трав и свежего воздуха, я засыпала. Но на этот раз я хотела нарисовать какой-нибудь волшебный кусочек лета.

Сморенная жарким солнцем, я села на траву, разложив альбом и краски. В мечтах откинулась в зеленую прохладу травы и заснула. Мне приснился странный сон.

Огромная птица летела по небу, размахивая своими гигантскими крыльями. У нее были очень зоркие глаза, которые оглядывали мир, будто это был маленький шар во вселенной. Она летела к солнцу. На голове у огромного живого существа, а именно так мне хотелось ее представлять, потому как у птицы были человеческие руки (которые она сложила в молитве), красовалась золотая корона. Создавалось ощущение, что она молится в полете. И об этом говорил ее осматривающее-задумчивый взгляд. Золотая корона подсказывала мне о том, что это Царь. Я предположила, что это Царь Вселенной, а значит он очень сильный. До чего же красивая была эта птица с клювом орла!

Разноцветное оперение сочеталось с синевой облаков, отражая свет. И тысячи лучей отталкиваясь от каждого перышка, переливались в небесах. Мне было одновременно страшно и, в то же время, я впадала в некое благоговение. Куда она летела, я не знала. Неожиданно, она подлетела к солнцу

и схватила его когтями своих задних лап. А потом медленно стала проглатывать его. Я остолбенела. И в какой-то момент наступила крошечная тьма. В испуге я проснулась и заметила, что был уже вечер.

Я бросилась домой, второпях собрав свои краски и альбом. Во дворе меня встретила мать, она грозно стояла, держа руки на поясе.

– Где ты была, Анте?!

Я виновато посмотрела на нее.

– Сколько раз тебе повторять, спать в тихий час дома, а не в лесу!

Я зашла в дом и вздохнула с облегчением, потому что отца не было дома.

За два месяца я рисовала преимущественно акварелью, и все мои рисунки были полуобнаженные девушки-ангелы. Эта тема меня так увлекла, что я не видела ничего другого до сегодняшнего момента, когда в лесопарке мне приснилась странная птица в золотой кроне с человеческими руками, сложенными в молитве. И в этот самый момент размышлений в дверях появился отец, он вошел пошатывающей походкой и осмотрел дом. Он был пьяный. Я поняла, что сейчас разразится настоящий скандал с последующей поркой. Потому быстро встав, поспешила в свою комнату.

Закрывшись на защелку, я начала читать молитву.

*Святая Мария, Матерь Божья, сохрани во мне сердце детское, ясное и светлое, как родник. Сотвори*

*мне сердце честное, которое не поддается обману. Великодушное сердце, которое дарует себя другим, любящее и сочувствующее, верное и благородное сердце, которое не забывает благодетелей и не держит зла. Дай мне дружественное и решительное сердце, которое любит, не требуя ответной любви, которое радостно растворяется в других сердцах перед лицом Твоего Божественного Сына; великое и неодолимое сердце, которого не ожесточает никакая неблагодарность и не остужает никакое равнодушие, сердце, которое мучимо невосприимчивым величием Иисуса Христа, уязвлено любовью Его, и чьи раны исцеляются лишь на небесах.*

«В тебе именно такое сердце, Анте!» – вдруг я услышала знакомый голос.

Посмотрев по сторонам, никого не обнаружила. Странно, этот тихий голос, к которому я начала привыкать, уже не казался мне моим воображением.

«Чистое сердце, что бьется у тебя в груди стоит сохранить, чтобы не коснуться материальной скверны» – снова сказал голос.

Тембр заговаривал со мной только после молитвы, когда я была искренней и произносил слова лишь один раз, никогда не повторяя и не отвечая на вопросы.

Я достала альбом и карандаш, потому что мне захотелось, чтобы та огромная птица стала моим покровителем. Гигантское живое существо теперь надолго поселилась в мо-

ей голове, превратившись в личного Защитника и Хранителя. Ведь она могла проглотить солнце, оставив мир в крошечной тьме!

Я рисовала почти до полуночи, пока меня не сразил сон.

Утром во время завтрака я думала, что покажу рисунок маме, но она неподвижно сидела за столом, держа чашку у рта и о чем-то думала. На ее лице было мученическое выражение. Отец не встал к завтраку, и я поняла, что вчера между ними произошла очередная ссора.

Неожиданно тишину нарушил звонок в дверь. Когда мать открыла, на пороге стояла Кики.

– Доброе утро, – поздоровалась она и, встретившись со мной глазами, улыбнулась. – Я к вам по серьезному делу, можно войду?

– Проходите, – ответила мама.

Сидя за столом втроем, мы пили чай, кушали и никто не решался начать разговор первым. Матери было стыдно за то, что у нее нет денег на обучения, но Кики всего это не знала, а потому искала подход.

– Мне кажется, Анте подает большие надежды в изобразительном искусстве, вы не находите? – осторожно поинтересовалась она.

– За все это время вы не показали мне ни одного ее рисунка, – начала оправдываться мать, заранее зная, к чему клонит студентка.

– Там не было чего-то стоящего, чтобы я могла показать.

Анте только учится и пока еще на стадии обучения, – говорила Кики, а я поражалась как ловко она может выкручиваться из скользких ситуаций. Не могла же она показать моей матери серию обнаженных девиц с ангельскими крыльями.

– Я бы хотела, чтобы Анте продолжила обучения в моей группе, собственно по этому поводу я и пришла к вам.

Отец вышел из своей комнаты в сильном похмелье и, увидев студентку ИЗО-школы, сделал злобное лицо.

– Как вы все надоели, чертовы бабы! Денег хотите? Вы только и можете, что тратить их на всякую чепуху! Не нужно это ваше искусство никому! На завод нужно идти работать, нормальную специальность осваивать!

Он так орал, что у меня в глазах все потемнело, я схватила сумку и выбежала из квартиры.

– Вернись, Анте! – Кричала мне в след мать, но я ее не слышала.

Во дворе я почувствовала приступ удушья и присела на скамейку, чтобы отдышаться. Меня душили слезы обиды. Чья-то мягкая ладонь легла мне на плечо. Я повернула голову и увидела Кики. Сквозь слезы, я заметила ее встревоженное лицо.

– Анте, успокойся. Я сказала твоим родителям, что ты можешь ходить ко мне в группу бесплатно.

Я полезла в сумку, чтобы отыскать платок и наткнувшись на альбом, вспомнила о своем рисунке.

– Это был сон, – сказала я, вытирая слезы и протягивая

работу.

Она присела рядом, взяв ее в руки.

– О Боже, Анте! Ты видела необычайный сон. Эта птица совсем не простая, это же...

– Кто?

– Я расскажу тебе об этой птице. Эта птица самое сильное живое существо во всей Вселенной, нет сильнее его! Он сам разбил клювом скорлупу яйца и, едва родившись, взмыл в поднебесье в поисках добычи. Все живые существа пришли в смятение, увидев в небе огромную птицу, затмевавшую своим блеском солнце. И зовут эту птицу – Гаруда.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.